

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1925

КНИГА
ДЕВЯТАЯ
НОЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 9

НОЯБРЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

О методах литературной науки.

Генн. Поспелов.

Свою статью «Вокруг вопроса о „формалистах“» Б. Эйхенбаум начинает с указания на тот интерес и повышенное внимание, которые заметны в широких литературных кругах к формальному методу и работам его адептов. Думается, что это звучит слишком гордо. По существу предмет этого интереса шире только «вопроса о «формалистах». Кажется, лучше было бы его обозначить вопросом о литературной методологии вообще. Интерес к формалистам, а также и выступление их самих являются симптомами оживления вокруг вопросов строительства молодой науки о литературе.

У формалистов существуют теоретические враги — социологи. Интерес и внимание к их методу и их работам заметны не меньшие. В журналах, газетах, на диспутах и ученых заседаниях, в студенческих докладах и работах специалистов интерес и стремление овладеть этим методом, разработать его растет неослабеваемо. Между представителями этих двух методов часто происходят устные и печатные ратоборства, при этом, обычно, довольно сожженным строем. Все это доказывает, что научное строительство в расплывчатой и трудной области литературоведения поднимается в гору и поднимается не спокойно, на ровном месте, а на каменистой почве научного или, быть может, донаучного наследства и под ярко выраженным обстрелом со всех сторон. Конечно, не случайно этот под'ем датируется нашим временем, — этому есть веские причины; не случайна и наличность обстрела и перекрестной пальбы; всякий, кто еще уверен в существовании чистой и независимой науки и теории, должен разубедиться в этом на нашем примере. Но, несмотря на эти добрые признаки оживления и под'ема, впереди еще много трудностей, много сложных и спорных вопросов; и даже не только несмотря, но и вследствие их наличия: каждая попытка заложить фундамент заставляет раскапывать почву, где прозябают тяжелые глыбы донаучных убеждений. Поэтому снова и снова вернуться к основным вопросам строительства литературной методологии кажется не лишним.

I.

Оба вышеуказанные метода объединяют собой довольно большие группы исследователей, которые образуют два методологических направления, каждое со своей историей и с довольно пестрыми оттенками в своей среде. Их работы

и выступления заставили всех, имеющих отношение к литературной методологии, высказаться и занять свою позицию. Признание интереса и научной ценности работ тех и других побудило многих попытаться сгладить крайности, воспользоваться приобретенным обмен сторон. Возник ряд промежуточных позиций; заговорили о формально-социологическом методе, который приобрел много последователей (конечно, в теории: практика у нас до крайности бедна). Хотя Б. Эйхенбаум заявил, что формального метода, в сущности, нет, а «фор-соцы» играют смешную роль, последние упорно говорят о своем методе и протягивают руки в обе стороны. Попытки найти каждому методу свое место, разобраться в вопросах методологии принимают уже и более основательные формы в виде системы классификации методов. Такую попытку мы имеем в книге проф. Перетца «Краткий очерк методологии истории русской литературы», который указывает девять объективных методов: исторический, историко-политический, историко-психологический, культурно-исторический, эсто-психологический, сравнительно-исторический, эволюционный, эволюционно-этнографический и филологический. Недавно предложил свою систему и проф. П. Н. Сакулли, в статье «Методологические задачи историка литературы», которая пока, кажется, осталась без обсуждения, несмотря на приглашение редакции¹⁾. Указывая, что методы должны быть классифицированы по задачам исследования, которым они служат, автор делит методы на три группы, соответственно трем задачам: на имманентные, каузальные и конструктивные; затем каждую группу еще на две: статические и динамические методы. Имманентное изучение поэтической формы производится «с помощью тех методов, которые выработала теоретическая поэтика... и какие в частности практикуются так называемым формальным методом». Каузальное изучение тождественно с применением социологического метода, в статическом разрезе и историко-социологического — в динамическом. В качестве конструктивного называется генерализующий метод. Филологическое изучение текста, обращение к биографии методами назвать нельзя, — это вспомогательные разыскания. Повидному, мы имеем здесь тоже разновидность формально-социологического метода, только логически обставленную и широко намеченную, хотя в каждой группе и предполагается несколько методов.

Наконец, кроме выдвигания одного определяющего метода, или более или менее толковых попыток соединить и примирить два в данный момент преобладающие, можно встретить голоса, осуждающие подобную уозьсть. Так проф. Н. К. Пиксанов предостерегает от «фракционной предвзятости» и указывает, что «литературная наука своим предметом имеет явление столь сложное, что ограничиться каким-нибудь одним монопольным методом в ней было бы положительно вредно. Поэтому вполне приемлемы — и давали отличные результаты (курсив наш. Г. П.) — самые разнообразные методы: лингвистический, формальный, эстетический, психологический, со-

¹⁾ За то время, когда наша статья шлодилась в наборе, в 5 — 6 книге «Печать и Революция» появились отзывы И. Гроссмана-Рошнина, Н. Фатова и Г. Лелевича, в нескольких отдельных пунктах совпадающие с ее положениями.

циологический» («Два века». Предисловие). В кругах фольклористов особенно продуктивным и ценным считается сравнительно-исторический метод, как он был намечен А. И. Веселовским.

Итак, методов очень много. Они то выдвигаются, как монопольные, то соединяются вместе, то применяются по очереди. Об их научности и целесообразности спорят очень много и чаще не соглашаются друг с другом: «Формалисты считают не научными историко-культурный, социологический; представители последнего — формальный. Перетц считает субъективным эстетический метод; Сакулин — не методом — лингвистический; у Пиксанова оба они дают прекрасные результаты на-ряду с социологическим и формальным. И формалисты и социологисты недовольны формально-социологическим методом. Увлечение методами большое. Методами интересуются, о них спорят, ими ругаются. Методов появляется все большее количество. Б. Эйхенбаум справедливо замечает, что «понятие «метода» за последние годы несообразно расширилось — все стали называть методом», и советует вернуть ему «прежнее скромное значение приема исследования... конкретной проблемы». Однако именно так и понимает этот термин; проф. Сакулин называет методом «совокупность приемов научного исследования», и в его системе их может уложиться самое меньшее — шесть. Если метод — прием, а приемов может быть десятки, то значит десятки и методов. И, кажется, методом будут скоро называть, действительно, «все». Н. К. Пиксанов в статье «Новый путь литературной науки» говорит, что на этом пути надо пользоваться не «дескриптивным, не телеологическим даже, а телео-генетическим» методом; что в случае, если трудно наметить, откуда идет влияние, можно его установить «методом аналогическим и ретроспективным», наконец, что «иногда возможно орудовать методом прямой документации». На этом пути можно договориться до того, что большинство ученых работает методом записывания своих мыслей на бумаге, при чем некоторые методом карандашной записи, а другие чернильной. Но это все, конечно, ничуть не смешно.

Суть дела в том, что по каким бы то ни было причинам, понятие метода так затерлось в своем содержании, так расплылось в своем объеме, что говорить при таком положении дела о методах литературной науки, о их достоинствах и недостатках, научности и ненаучности стало совершенно бесполезным и невозможным делом. А так как вопрос о методе — основной вопрос науки, то очень трудно говорить и о науке, о ее задачах, объеме, о научности отдельных работ. В вышеуказанных работах поднимается вопрос о принципах и задачах науки, в отличие от методов ее, делаются попытки классификации хоть части из указанных в разное время методов. Вопрос о принципах и задачах примыкает к вопросу о методах и пока столь же неопределенен; некоторые классификации поражают отсутствием логических принципов деления. В этом сказывается давление научного наследства, неумение разбираться в старых штампах. Если проф. Пыпин работал историко-культурным методом, то значит этот метод есть и, пытаюсь построить классификацию методов, надо его туда включить. То же с методами Веселовского, Плеханова, Потебни, Сент-Бёва, Эннекена, Тена и др. Если ныне проф. Пи-

ксанов говорит о новом пути нашей науки: творческой истории производства] ✓
 ний, то наш список удлиняется. Уважение к науке и ее деятелям требует
 от нас включить туда все это. Уважение — вещь хорошая, но фетишизм —
 дело плохое. Нам следует разобраться в содержании и объеме понятия метод,
 попытаться конкретизировать это содержание, чего можно достигнуть или
 сужением объема понятия, или разграничением его объема, т.е. установлением
 двух разных его смыслов.

II.

Метод и прием как синонимы или метод как совокупность приемов
 употребляются не только в нашей области, где это вызывает столько пута-
 ницы, но и в других науках; в частности в логике, хотя, кажется, этимологи-
 чески понятие метода уже понятия приема. (Метод = méth-odos; ódos =
 первоначально, путь, дорога, далее: способ, средство, п р и е м; meth = в раз-
 личных соединениях, — за, вслед, через, между; следовательно: метод —
 путь за, между, через; т.е. через материал, через предмет изучения.) Нужно
 поэтому принять это широкое, расплывчатое понятие метода-приема, как
 родовое, и отметить в нем нужное число видов и договориться об их точном
 наименовании и употреблении, так как при всей условности терминологии
 ее определенность нужна не только для разговоров; для этого можно уста-
 новить добавочные определения при этих терминах или, что, кажется, лучше:
 прикрепить их к двум разным видам родового понятия, так как в этимологи-
 чески, как мы видели, они не вполне тождественны. При этом мы имеем
 в виду потребности нашей частной методологии, вытекающие из особенностей
 предмета и, следовательно, построения науки, и мало затрагивая и
 не впуская сюда понятия методологии общей, которая говорит об общих,
 формальных методах мышления, имеющих значение везде, в частности и
 в нашей области. Этого не сделал в своей схеме П. Н. Сакулин, о чем,
 однако, ниже.

Метод — путь через материал, через предмет исследования. Литера-
 туроведение — общественная наука, изучающая историю, эволюцию опреде-
 ленной стороны общественной жизни. Его основная задача, как и всякой
 науки, или во всяком случае, чтобы не вызывать лишних возражений, как
 значительного большинства наук, — объяснить лежащие ей явления, эти
 овладеть ими, т.е. получить возможность предвидеть их дальнейшее разви-
 тие. В этом смысле литературоведение нуждается в методе, т.е. в пути через
 литературную эволюцию. Когда археолог во время раскопок обнаруживает
 неожиданно непонятные ему сооружения, он пытается объяснить себе и дру-
 гим свою находку, понять ее смысл, т.е. найти ее причины; его мысль пы-
 тается найти себе путь через зачаточные остатки, найти центр и ось, от
 откуда они выросли, отличить главное от второстепенного, основное и не-
 обходимое от случайного и лишнего, постоянное от временного, раннее
 от позднего, найти целесообразность прежде всего этого основного и посто-
 янного, т.е. причины его возникновения на данном месте, в данных условиях.
 Конечно, одновременно он будет прикладывать все старания, чтобы оконча-

тельно очистить сооружения от засыпавшей их земли и пепла, будет обмерять их со всех сторон, устанавливая правильность их чередований и размеров, — все это будет важная и необходимая работа, но служебная и вспомогательная для основной задачи — объяснить найденное и очищенное. В известном месте археолог сделает попытку такого осознания, выскажет известное предположение, наметит этот путь через материал (метод); распространение его далее, употребление в другом, третьем случае покажет степень правильности предположения, степень удачности пути — метода. Если с его помощью будут сделаны новые открытия, найдены места для новых плодотворных раскопок, метод покажет этим свою правильность, научность, т.е. годность для основных целей науки, и обратно. Приемы вычерпывания земли, очищения стен, их измерения, сличения, конечно, можно тоже называть методами, если эти слова уже прочно понимаются как синонимы, но тогда надо ясно отличить их от метода осознания, уяснения причин, и назвать служебными методами обработки в отличие от основного метода. Еще лучше было бы разграничить их более четко, назвав последний «методом», а первые «приемами». Мы будем придерживаться такого словоупотребления.

Мы использовали сейчас в качестве примера частный случай одной науки, но этот случай характерен и для большинства наук в целом, в частности для литературоведения, со всеми теми различиями, которые даются особенностью предмета. Литературоведение имеет свой предмет — огромное количество поэтических фактов, хронологически раскинутых в прошлом и все вновь возникающих в настоящем, сохраняющих свое значение до сих пор, возобновляющих его, или, наоборот, потерявших его безвозвратно. Оно имеет свои научные задачи: уяснить смысл литературной эволюции в прошлом, чтобы понять ее в настоящем и предусмотреть ее будущее; найти причины жизни и смерти поэтических фактов прошлого, чтобы иметь возможность наметить это для фактов настоящего. Для разрешения этих научных задач литературоведению надо иметь метод, путь через матерьял. При помощи той или другой методологической установки оно должно в общем литературном потоке наметить отдельные струи, из которых этот поток складывается; для этого надо уметь ясно отличить главные явления от второстепенных, основные от износных, необходимые от случайных, т.е. предположить что-то главным, основным, необходимым, при чем этот процесс различения является, с другой стороны, процессом установления функциональных связей. Без этого различения и установления, без употребления того или иного метода выполнить научные задачи невозможно. Предварительно, а затем и параллельно его употреблению необходимо произвести очищение и разработку матерьяла, — детальное ознакомление с ним, описание, сличение, классификацию. Эти служебные задачи требуют многочисленных приемов (служебных методов) для своего разрешения; и необходимо подчеркнуть, что неправильно представление этих служебных и основной научной задачи вынужденно располагающимися на одной плоскости, так что по окончании первых можно приступить ко второй. Художественные факты — явление очень

сложное и многогранное. Наметить в них отдельные грани, описать их конструкцию — значит иметь уже определенную точку зрения, исходный пункт. При научной работе эта точка зрения диктуется методом. Один метод подчеркивает одни стороны в поэтическом факте, другой — другие. Отсутствие у исследователя научных задач, отсутствие метода, наличие у него задач ненаучных влекут за собой и определенную точку зрения на вещи. Описательные и классификационные приемы и работа с установкой метода — процессы, проникающие друг друга и не одновременные. Поэтому всякий, кто говорит, что наше дело пока только собирать факты и их описывать, что другие задачи еще далеко впереди, — только кокетничает с наукой: никогда он об этих задачах не думает и никогда он к ним не перейдет ¹⁾. Затем: кроме описательных и классификационных приемов (если вспоминать о формально-логических методах, то сравнение и генерализация здесь необходимы, как и всюду), самое применение метода может иметь ряд различных приемов, но ни та, ни другая группа приемов не находится с методом на одной плоскости: все они проникаются методом насквозь.

Наконец, и литературоведение может иметь методы научные и ненаучные, т.-е. продуктивные или непродуктивные. Историко-культурный метод, видящий смысл литературных явлений в иллюстрировании фактов общественной жизни, был очень наивный метод, но все же метод. В науке он, кажется, теряет позиции, но, например, в школьных программах современности играет еще солидную и почетную роль. Методом служили в прошлом, да служат и в настоящем, различные системы об'ективного идеализма; иногда своеобразные перенесения в область истории психо-физического параллелизма. Наконец, различные материалистические системы, из которых диалектический материализм, кажется, обещает особенно богатые перспективы для нашей науки. Правда, мы еще не можем позволить себе роскоши, выносить безусловные решения, безусловные оправдания и суждения: ни один метод еще не встал у нас на ноги и не проявил себя в достаточной степени. Но несомненно, что: 1) метод испытывает себя на практике, 2) тот метод заслуживает названия научного, заслуживает внимания и труда, который дает, или хоть только обещает, возможность выполнения основных задач нашей науки.

III.

Возвращаясь к мнениям и убеждениям, распространенным в наши дни, к понятиям и словоупотреблениям, в которых они выражаются, мы можем из всего сказанного выше сделать соответствующие выводы. Прежде всего надо повторить вслед за Эйхенбаумом, что формального метода, конечно, нет, что выражение формальный метод, действительно, бессмысленно. Иссле-

¹⁾ Совершенно неправ поэтому А. Г. Цейтлин, считающий, что «изучение стиля и установление связей его с социальной средой — два различных и методически исходных между собой задания», и что марксисты заинтересованы в успехах формалистов (ст. «Марксисты и формальный метод»).

дователи, объединенные в «Опяз'е» и примыкающие к ним, никаких научных задач себе не ставят и поэтому в методе и не нуждаются. Они сосредоточили себя на описательных и классификационных задачах, которые, как мы уже указывали, являются лишь служебными задачами науки. Но так как в данном случае эти задачи оторваны от основных научных задач, точка зрения и исходные пункты определяются не ими, а какими-то другими принципами. Отсюда и особенность этой точки зрения: сосредоточенное внимание только на форме вообще, в частности и особенно на явлениях внешней формы, эстетического убранства поэтического факта. Отсюда пренебрежение к более глубоким слоям произведения, одностороннее культивирование теоретической поэтики, которая, по какому-то недоразумению, считается особой наукой. Все это вытекает из принципов. У формалистов нет метода, но действительно есть принципы. Основным принципом является отсутствие метода, принципиальное нежелание работать научно. Этому тоже есть свои причины, о которых распространяться здесь не место.

Во-вторых, надо сказать, вопреки Эйхенбауму, что социологический метод, или, точнее, метод диалектического материализма, в данном случае, так как социологических методов несколько, — существует, что выражение это не бессмысленно, но последовательно и логически верно. Определение здесь сужает объем родового понятия добавочными признаками, которые не находятся ни в каком противоречии с уже имеющимися в нем и не повторяют их. Эйхенбаум понимал метод и прием, как синонимы, заговорил о принципах, о настоящих, основных методах умолчал. Эта зияющая пропасть между принципом и приемом для Эйхенбаума незаметна, для нас она петерлима. Материалистический метод — не прием, а именно основной метод науки, и метод настолько ценный и многообещающий, что к нему, как ни к какому иному методу, приложимо это название. Материалистическим методом можно работать применяя различные приемы. Для этой работы, конечно, остаются в силе служебные задачи изучения, описания и классификации матерьяла, но так как метод проникает приемы, то пользование этим методом определяет и подходы к этим задачам. Основной и определяющей стороной художественного факта намечается его эйдологический (образный) состав; художественный образ понимается и как формальная конструкция и как факт содержания. Установление эйдологической эволюции требует заметить эйдологическое сходство ряда фактов, с внешней стороны как будто сильно различных, что вызывает сильное недовольство у «спецификаторов», которые хотят насыпать голубую соли на хвост, не поймав его. Но всякая наука идет от широких обобщений к спецификации, а не наоборот. Этому требует метод.

Наконец, надо отметить неудобство и неясность выражения «формально-социологический метод». Такого метода нет, так как нет формального метода, да если бы он и был, то двумя методами сразу работать нельзя. Если же этим хотят подчеркнуть, что, пользуясь социологическим методом, надо изучить форму поэтического факта, то, кроме того, многое надо делать и совсем не следует к названию метода пристегивать названия всех приемов,

какими пользуется исследователь; таким путем можно постронть большое количество названий разных методов, хотя бы с присоединением новых определений к «социологическому методу», — описательно-социологический, сравнительно-социологический и пр., и все это будет совершенно бесполезные плеоназмы. Самое определение «социологический» несколько расплывчато. От всего названия встает запах «основной проблемы-формы», что показывает, как эклектически было оно составлено, а затем и принято. Но название это привилось и иногда употребляется уже совсем невпопад. Так, В. Виноградов в книжке «Гоголь и натуральная школа» говорит, что книга В. Ф. Переверзева «Творчество Гоголя» открывает ряд исследований, оперирующих «двумя разными методами, которые путем искусственного скрещения ныне объединены под названием метода формально-социологического». Все это — сплошное недоразумение. Искусственно скрещивать было нечего, искусственно выдуманно название чего-то неопределенного, которое понравилось тем, кто хочет сидеть между двух стульев, не замечая, что один из них без ног. Работы В. Ф. Переверзева — интересные и уже продуктивные попытки вплотную работать методом диалектического материализма. Виноградов порицает «сокращение поэтики», но его работы прекрасно показывают беспомощное положение исследователя, бросившегося в омут «несокращенной поэтики», не умея плыть, не имея метода, ибо принципы формализма плавать не помогают.

На том же смешении понятий метода и приема основана неудача попыток классификации методов, например, проф. Перетца или Львова-Рогачевского (в «Литературной энциклопедии»). Недостаток этот можно усмотреть и в классификации П. Н. Сакулина. В ней не разделены основные и служебные задачи науки, а затем и приемы, методы частной науки и формально-логические методы вытянуты в один внеположный ряд и поставлены на одной плоскости, что не законно. В самом деле: в качестве конструктивного метода (третья группа) названы типологические обобщения (генерализация). Можно подумать, что в пределах первых двух задач, до перехода к третьей, генерализация не применяется, но в имманентных методах назван художественный анализ формы и содержания. Как же может быть произведен этот анализ без генерализации, без получения понятия какого-нибудь формального приема, без подведения под это понятие единичных явлений формы? Никак, если он не хочет обратиться в действительно «художественный». Всякое научное описание требует типологических обобщений; этим и занимается теоретическая поэтика, на которую здесь делается ссылка и которая почему-то стоит вне литературоведения и его задач. То же следует сказать и о номологических обобщениях в применении к изучению литературной эволюции. Наконец, и социологическое изучение (каузальные задачи) требуют применения этих и подобных им, общих для всех наук, методов. Таким образом конструктивные методы необходимы для выполнения имманентных и каузальных задач, т. е. классификация методов по задачам в данном случае не вышла удачной. Далее, как мы указывали, каузальное изучение литературной эволюции и представляет собой выявление основного метода науки, служащего основ-

ним ее задачам, в отличие от описательных, служебных методов (в нашем словоупотреблении — приемов), и проникающего собой эти приемы, организуя их и ставя перед ними служебные задачи; так что каузальные методы необходимы для выполнения имманентных задач, т.-е. и здесь классификация методов по задачам не может быть признана удачной. Сомнение вызывает и перекрестное деление методов на статические и динамические. Вряд ли мы можем изучать форму и содержание статически, т.-е. не прибегая к сравнению одного факта с другим, не усматривая этим сходства и различия, не намечая их эволюцию, все равно в ряде текстов под одним заглавием («творческая история») или под разными («имманентное развитие творчества»). Еще в большей мере это относится к социологическому изучению: вряд ли оно может производиться статически, над одним фактом или даже творчеством, не принимая в расчет динамики общественного целого, приведшей к этому моменту, и тенденций на будущее. Вообще в разбираемой нами конструкции абстрагировано то, что совсем не полезно абстрагировать, и обратно. В частности различие эволюционного и каузального развития, органических законов развития, присущих поэзии «по природе», и развития, вызванного внешними причинами, кажется или абстрагированием, и совсем ненужным, двух сторон литературной эволюции, так сказать внешней и внутренней, или чем-то еще более странным. В выше цитированной статье мы читаем, что «влияние это (каузальности. Г. П.) проникает не всюду: кое-где оно наталкивается на столь серьезные сопротивления, что результат нельзя выводить из прямого действия фактора, а лишь из процесса борьбы; кое-что и даже весьма существенное порой совершенно остается за чертой его досягаемости». В таком случае (безразлично: равен ли каузальный метод социологическому или нет) приходится думать, что: 1) есть факты, происходящие без причин, раз они находятся вне влияния «каузальных факторов», и тогда наука оказывается в странном положении, 2) «субстрат» литературной эволюции не только недостижим для причин, но этим внешним причинам может оказать сопротивление, даже «борьбу», и тогда уж никто, конечно, не может сказать, как этот субстрат пожелает поступить на протяжении истории, а в «методологические задачи историка литературы» надо будет включить гадание. По линии этих внешних причин эвклидическая (как бы этого ни затрушевывал автор) система распадается по швам.

Предложенную П. Н. Сакулиным схему отношений: понимание предмета, — конкретные задачи исследования, — совокупность приемов, их решающих, т.-е. метод, нам кажется лучше перестроить так: общие задачи изучения, иначе — принципы (они могут быть научными и ненаучными), — определенный метод, в случае наличия научных задач, который может быть более или менее продуктивным, — приемы, вытекающие из данного метода. Такая схема лучше поможет нам разобраться в удельном весе отдельных моментов строительства науки и избежать тех ошибок и той путаницы, которая у нас так велика и которая делает бесплодным всякое суждение о нашем предмете.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Леонид Завадовский</i> . На белом озере. Рассказ	3
<i>О. Савич</i> . В горах. Повесть	10
<i>Ал. Смирнов</i> . На перекате. Рассказ	68
<i>Вяч. Шишков</i> . Кольцо. Рассказ	73
<i>Л. Сейфуллина</i> . Встреча. Повесть (продолж.)	86
<i>А. Толстой</i> . Гиперблонд инженера Гарши. Роман (продолж.)	108

СТИХИ: <i>Н. Асеева, В. Катаева, С. Есенина, В. Паседкина, А. Ясного, М. Голоднова, О. Мочаловой</i>	133
---	-----

<i>М. Абрамович</i> . Московские дружинники в 1905 г.	151
<i>А. Арсов</i> . Очерки о питом годе	170

<i>Б. Завадовский</i> . Внутренняя секреция и эволюция	188
--	-----

За рубежом

<i>Б. Кушнер</i> . 120 миль Ланкаширского тумана	206
--	-----

От земли и городов

<i>М. Пришвин</i> . Весна человека	221
<i>А. Ракитников</i> . У немецких колонистов	243

Литературные края

<i>Г. Поселов</i> . О методах литературной науки	250
<i>Р. Куллэ</i> . Современная французская литература	259
<i>Валентина Дыльник</i> . Переставленные главы	270
<i>А. Воронский</i> . Михаил Васильевич Фрунзе	277

Критика и библиография

Рецензии: <i>В. Якерина, А. Леженва, И. С., Федора Жиха, Б. Губера, Н. Юргина, Г. Чулкова, Вал. Дыльник, И. Браславского, М. Косвени</i>	280
---	-----